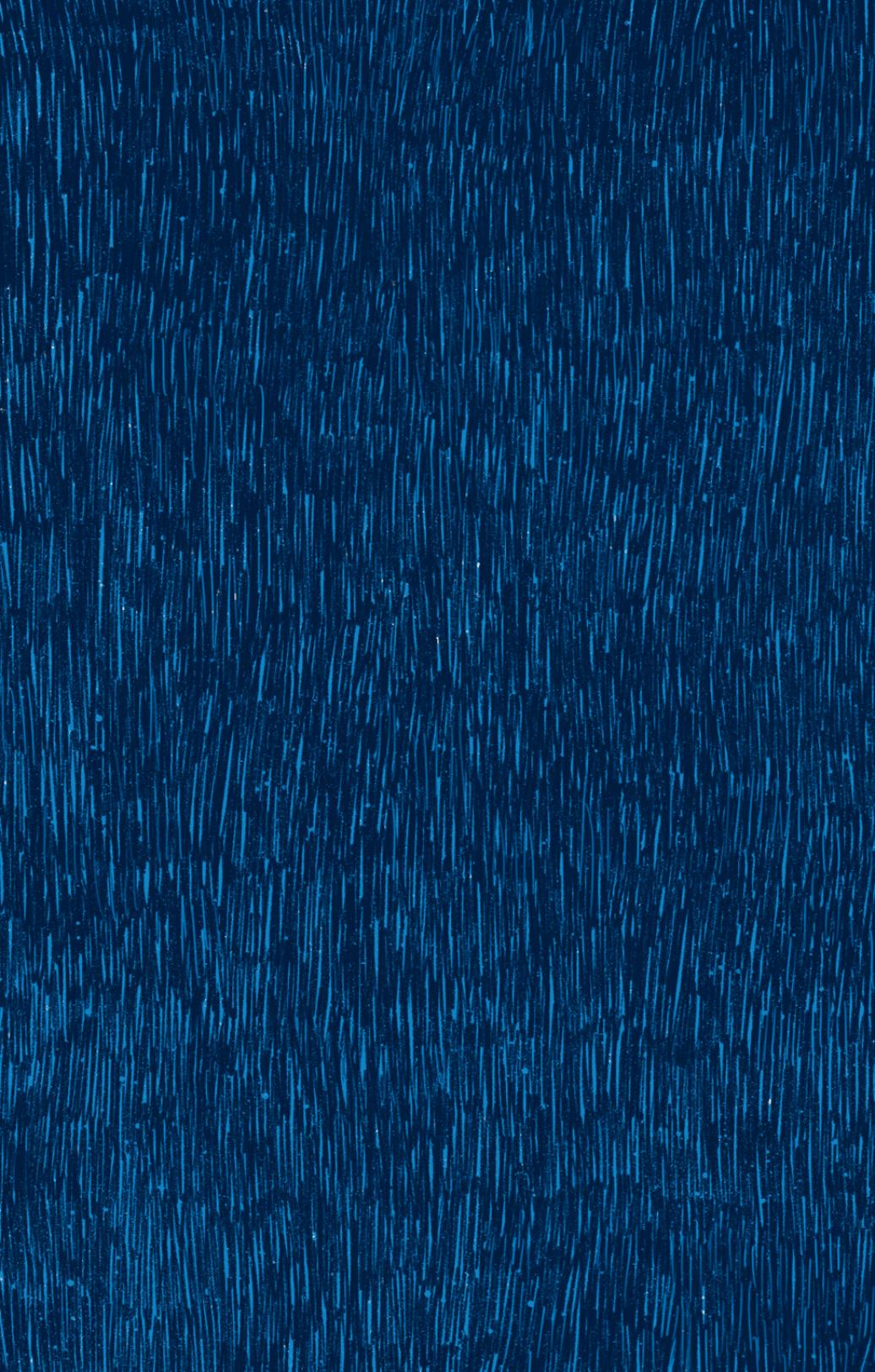

Тэмсин Уинтер

Я-Мисс НИКТО

Я-Мисс
НИКТО

*Эту книгу я посвящаю всем,
кому знаком страх заговорить.
И моему сыну,
который помог мне обрести голос*

#ПРОЛОГ

Прежде чем я начну, вам стоит кое-что узнать обо мне:

1. Меня нельзя назвать хорошим человеком.
И вряд ли я вам понравлюсь.
2. Иногда я совершала плохие поступки. Ужасно плохие.
3. Я часто врал. Если честно, я врала всем, кого когда-либо знала.
4. Всё это я делала совершенно осознанно.
5. Я — Мисс Никто.

#неловкоемолчание

Официально диагноз «Со Странностями» я получила два года назад, когда мне было девять. На самом-то деле неофициально я уже давно была Со Странностями. И мои родители, наверное, об этом догадывались. Так мы и попали в кабинет доктора Лэнгли. Все на меня пялились, и доктор Лэнгли сказала:

— Ответь мне на такой вопрос: как тебя зовут?

Это показалось мне странным, ведь доктор Лэнгли была нашим семейным врачом целую вечность, и если она до сих пор не знала моего имени, то кто же, по её мнению, приходил к ней на осмотры вместо меня?

И вот доктор Лэнгли смотрела на меня, и мои родители смотрели на меня, а я хоть и умею говорить, но в Определённые Моменты, Вот Как Сейчас,

А в Особо Тяжёлых Случаях у меня вообще возникает чувство, как будто мой рот заклеили клеем.

И когда (довольно часто) такое со мной приключается, я не могу говорить. Молчу как рыба.

Это произошло и в кабинете у доктора, где все на меня пялились, и постоянно происходит, когда я нахожусь среди незнакомых людей (а нередко и среди *знакомых*), даже если никто не пялится. Но до встречи с доктором Лэнгли мои родители думали, что я просто Жутко Застенчивая и с возрастом это пройдёт. Все так думали.

(Кроме меня.)

Потому что я-то уже давно понимала (почти всю жизнь, наверное), что если людей, с которыми я способна нормально поговорить, можно пересчитать по пальцам одной руки, то это не Жуткая Застенчивость — это Неизвестно Что.

И вот мне было девять лет, и по ощущениям я словно прилетела с другой планеты, не иначе, потому что, как бы я ни хотела ответить на вопросы доктора Лэнгли, я не могла выдать ни звука. А всё, что я хотела сказать, вертелось у меня в голове. Например, с каким трудом мне давались разговоры

с кем-то, помимо родителей, младшего брата и нашей соседки миссис Квинни. И как сильно я ненавидела школу, потому что ни с кем там не общалась, разве что иногда вполголоса с миссис Палмер, ассистенткой классной руководительницы (и то если рядом больше никого не было). И как моя классная, миссис Лонг, закатывала глаза всякий раз, когда слова не шли у меня с языка. Как она выводила на доске длинный список вопросов и начинала опрашивать класс, всех по порядку, и не успевало прозвучать моё имя, как паника большущим комом поднималась во мне от живота к горлу и выше, прямо в голову. Миссис Лонг указывала на меня и говорила: «Третий вопрос, пожалуйста». И я знала ответ, но опять не могла ничего сказать, как будто кто-то взял ножницы из деревянной подставки на подоконнике и покромсал ими мой голос. Так я и сидела, в оцепенении уставившись в пол, пока миссис Лонг повторяла моё имя и щёлкала пальцами, приговаривая: «Ну, ты ведь *знаешь* ответ! Просто скажи!» А мне хотелось провалиться под землю, как Алиса в кроличью нору. Но в классных кабинетах не бывает кроличьих нор, поэтому мне оставалось и дальше сидеть с комом паники в голове, не понимая, почему я не могу быть как все и Просто Сказать.

Каждый раз, когда мои родители приходили в школу, от всех учителей они слышали одно и то же: «К сожалению, она у вас *Жутко* Застенчивая!» Но

потом миссис Лонг вышла на пенсию, и к нам пришла мисс Кастильо. В первый же день, когда она проводила переключку и назвала моё имя, Филлип Дэй выкрикнул с места: «Она не разговаривает, мисс!» — как будто такие причуды были В Порядке Вещей в нашем классе. Только мисс Кастильо, видно, считала иначе, потому что вызвала моих родителей в школу — поговорить с глазу на глаз. А после этого меня отвели к доктору Лэнгли.

И теперь я сидела в её кабинете, не в силах сказать ни слова, даже просто ответить на вопрос, как меня зовут. (Зовут меня, кстати, Розалинд, но все и так прекрасно это знали.) А мой младший брат Себ слонялся туда-сюда, то спуская с себя штаны, то натягивая их обратно (что, на мой взгляд, куда более странно делать в присутствии посторонних, чем молчать). Но ему мама ничего не сказала. Она спросила: «Почему она такая застенчивая, доктор? Почему ни с кем не разговаривает?»

И все опять озадаченно на меня уставились, как будто встретились лицом к лицу с инопланетянкой. А я густо покраснела и уставилась на свои туфли. (Я часто так делаю.)

В итоге мне достался диагноз «Боюсь, Это Действительно Серьёзная Проблема», а моему брату — наклейка «За Смелость!». Оказывается, если ты не можешь даже озвучить своё имя в ответ на вопрос доктора Лэнгли, то и награды за смелость ты не за-

служиваешь — то ли дело многократно заголять перед всеми свой шестилетний зад. Если бы доктор Лэнгли раздавала наклейки «За Странность!», мне бы, наверное, тоже перепало. Но поскольку я как будто и так всю жизнь проходила с подобной, я легко могла обойтись и без неё.

Доктор Лэнгли не объяснила, что со мной не так, только сказала, что это не Жуткая Застенчивость и если бы это могло пройти с возрастом, то давно бы уже прошло. Примерно как заикленность Себа на динозаврах и фекалиях (которую, кстати, он так и не перерос, но папа называл это его индивидуальной особенностью). Мои странности, по-видимому, были серьёзнее.

Так что в тот день мы покинули кабинет доктора Лэнгли в Очень Неловком Молчании и, пожалуй, чуточку разочарованные тем, что у неё под рукой не оказалось какого-нибудь лекарства, возвращающего голос, как только мне это понадобится. Но всю дорогу до машины папа держал меня за руку, а я по-прежнему не отрывала взгляда от своих туфель.

По дороге домой Себ не затыкался, болтая об ископаемых останках огромного-преогромного динозавра, недавно обнаруженного в Аргентине. У динозавра было название, но я не запомнила. Я была слишком обеспокоена другими непонятными словами, которые впервые услышала этим утром, такими как «расстройство» и «гиперчувствительность»,

«психолог» и «тревожность». Они проносились в моей голове, пока за окном мелькали деревья, дома и тротуары, искажённые крупными каплями дождя, стекавшими по стеклу. И я не могла понять: если я не Жутко Застенчивая, и не Со Странностями, и не С Другой Планеты, то...

Кто же я?